

— Методику написания убедительного эссе мы ещё не проходили, поэтому при составлении заданий для месячной контрольной мы, преподаватели, не стали ужесточать требования к тематике сочинения. — Учительница Ван сделала паузу, чтобы перевести дух, её пальцы нервно постукивали по стопке тетрадей. — Задание было проще, чем типовые экзаменационные вопросы средней школы. Мы хотели, чтобы вы набрали больше баллов.

Она прервала себя, провела рукой по вискам, затем пристально посмотрела на Юй Жаня и подчеркнуто продолжила, растягивая слова:

— Это было сочинение со свободной темой. Вы должны были описать запоминающееся событие или человека и проанализировать, какой жизненный урок извлекли. В вашем возрасте мы пишем исключительно повествовательные эссе. Её указательный палец резко ткнул в сторону Юй Жаня: — Назови шесть ключевых элементов повествования. Встань и отвечай.

Юй Жань поднялся так резко, что его стул скрипнул по полу. Он выпалил заученную фразу, даже не моргнув:

— Время, место, действующие лица, завязка, развитие событий и развязка!

— Верно. — Учительница Ван кивнула, но не разрешила ему сесть. Её брови поползли вверх, когда она задала следующий вопрос: — Тогда скажи мне, какое фундаментальное правило должно соблюдаться в повествовательном эссе?

Юй Жань замер с открытым ртом. Он метнул взгляд по сторонам, но одноклассники демонстративно уткнулись в тетради. После мучительной паузы он выдавил:

— Оно... должно быть увлекательным?

— Нет! — Учительница Ван с силой шлёпнула ладонью по столу, отчего мел в коробке подпрыгнул. — Оно должно быть ПРАВДИВЫМ! — её голос загремел, как сирена.

Она раздражённо махнула рукой, разрешая Юй Жаню сесть, но через три секунды не выдержала: — Будь повествовательные эссе на гаокао, мне пришлось бы закупить десяток сборников "Лучшие сочинения", чтобы показать тебе, как НОРМАЛЬНЫЕ люди сочиняют правдоподобные истории! Её грудь бурно вздымалась. — Сегодня я пожалею твоё самолюбие — зачитывать этот... творческий эксперимент перед классом не стану. Забирай свою работу.

Когда Юй Жань понял, что его литературный дебют не удостоится публичной огласки, его улыбка померкла, словно перегоревшая лампочка. Он угрюмо швырнул листок в рюкзак и плюхнулся на парту, демонстративно уткнувшись лбом в сложенные руки.

Однако саркастичное замечание учительницы подстегнуло любопытство класса. Едва прозвенел звонок, как одноклассники окружили Юй Жаня плотным кольцом, выкрикивая:

— Давай посмотрим!— О чём ты написал?— Покажи, а?

Вскоре тетрадь переходила из рук в руки, сопровождаемая взрывами смеха. Кто-то даже схватился за живот, читая особенно "вкусные" пассажи.

Юй Жань оставался неподвижным, как каменное изваяние. Он методично разбирал шариковую ручку, извлекая пружинку и снова вставляя её обратно. Его не волновала оценка "23" — он чувствовал себя преданным. Учительница ОБЕЩАЛА. Обещала прочитать его сочинение вслух!

Чу Мянью наблюдал, как плечи друга напряглись под напором насмешек. Его собственные пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Когда очередной хохот прокатился по классу, он резко встал, и его стул с грохотом отъехал назад.

— Отдайте. — Его голос прозвучал тише обычного, но с такой ледяной интонацией, что смешки мгновенно смолкли.

Трое ближайших одноклассников замерли, увидев, как в глазах Чу Мянью вспыхнули опасные искры. Он даже не осознавал, что его лицо исказила настоящая ярость.

Когда листок оказался в его руках, напряжение немного спало. Он аккуратно разгладил помятые углы и прочитал заголовок:

«Мой дядя Юй Лэ»

— Это же... — Чу Мянью наморщил лоб, — прямая отсылка к рассказу из учебника за седьмой класс. Юй Жань, даже списывать нужно с умом.

— Какой ещё рассказ?! — Юй Жань резко поднял голову, и его чёлка беспорядочно взметнулась. — Моего дядю **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** зовут Юй Лэ!

Чу Мянью вздохнул так глубоко, что его лёгкие заныли, и погрузился в чтение.

[Рост — это длинная винтовая лестница. Даже если оступишься на третьей ступеньке и скатишься вниз, нужно снова карабкаться вверх, стиснув зубы. Рост — это радуга после ливня. Даже если ты ослеп и никогда не видел её красок, ты обязан верить, что она где-то есть. Рост — это бокал выдержанного вина, от одного глотка которого кружится голова, а после второго — теряешь себя навсегда... Всему этому научил меня мой дядя Юй Лэ...]

Несмотря на шаблонные метафоры и кричащий диссонанс между "винтовой лестницей" и "выдержанным вином", Чу Мянью отметил попытку структурировать текст. Он осторожно сказал:

— Композиция выдержана правильно. Если бы ты поработал над стилем...

Юй Жань оживился и закивал с таким энтузиазмом, что его чёлка снова взлетела.

[Как и большинство пятнадцатилетних подростков, я учусь в девятом классе.]

Второй абзац заставил Чу Мянэ замереть на месте.

[В прошлом месяце я снова встретил дядю. Был ясный июньский день, и мы с младшим братом Юй Цзинем (имя изменено) отправились на прогулку на теплоходе по реке Лань. Мама, вечная паникёрша, не отпустила бы нас без присмотра, поэтому позвала дядю Юй Лэ. На самом деле его зовут Юй Лэлэ — так что в семье мы зовём его "дядя Лэлэ".]

[Но я его терпеть не могу. Вместо нормальной работы он копошится на помойках, собирая бутылки, а потом клянчит деньги у моего отца. Я презирал его всей душой...]

[На палубе я уселся на самом носу и играл с братом в "нитёк-паук". Проигравший получал щелбан по лбу. Я так разошёлся, что у брата скоро не останется волос! Ха-ха-ха! В этот момент к нам подвалил дядя Лэлэ — он тоже захотел присоединиться.]

[Мечтай, старый хрыч! — подумал я, с отвращением разглядывая его засаленные штаны с заплатками на коленях и руки, покрытые грубыми мозолями. Дядя Лэлэ понуро поплёлся собирать бутылки в другом конце палубы. Я с презрением смотрел ему вслед: "Ну сколько можно копить эту дрянь? Ты же мужик, возьми себя в руки!" Теплоход набрал скорость, и я вышел подышать свежим ветром...]

[Река Лань переливалась на солнце, как расплавленный сапфир. Её ширина затмевала даже небо! Мне захотелось обнять эту бескрайнюю гладь... Не осознавая своих действий, я перелез через ограждение и встал на самый край носа корабля, раскинув руки. Я чувствовал, как ветер треплет мою рубашку, как тёплые лучи прогревают кожу...]

[И вдруг — БАМ! — небо почернело в одно мгновение! Я едва успел услышать панические крики, как увидел — прямо по курсу торчит огромная скала, о которую вот-вот разобьётся наш корабль!]

[Я бросился бежать, но ураганный ветер схватил меня, как бумажку, и потащил за борт! В последний момент я вцепился в мокрые перила. "Что делать?" — стучало в висках. Мои пальцы немели, силы таяли... "Мне всего пятнадцать! Я не хочу умирать!" — закричал я, но грохот грома поглотил мои вопли. Где же брат? Почему он не приходит на помощь?!

[Когда я уже готов был разжать пальцы, случилось НЕВЕРОЯТНОЕ — дядя Лэлэ бросился ко мне, размахивая грязной бутылкой из-под минералки!]

[— Держись, мальчишка! — орал он, свесившись за борт так, что его ноги болтались в воздухе. Я обомлел: этот человек, несмотря на всё моё хамство, РИСКОВАЛ ЖИЗНЬЮ ради меня! Слезы хлынули градом — я плакал так сильно, что дождь по сравнению с этим казался лёгким душем...]

[Я схватил бутылку (она была липкой и воняла пивом) — и меня вытянули на палубу. Первое, что я увидел, придя в себя — мой брат спокойно доедал эскимо! Оказалось, те, кого я считал родными, в опасности думают только о себе. А те, кого презирал, готовы на всё... Переполненный раскаянием, я обернулся, чтобы броситься в объятия дяди Лэлэ, но...]

[Он выплюнул полный рот крови.]

Увидев это, Чу Мянэ невольно закашлялся, словно крошечная капля той крови попала и ему в горло.

[— Дядя Лэлэ, что с тобой?! — я в панике подхватил его.]

[— Дитя, я скрывал от тебя... — голос дяди Лэлэ хрипел, а из уголков рта струилась алая кровь. — У меня неизлечимая болезнь. Твой отец тратил деньги на моё лечение... Но время моё прошло... Успел спасти тебя перед смертью — не жалею ни о чём... — с этими словами дядя Лэлэ медленно закрыл глаза, но в уголках его губ застыла умиротворённая улыбка.]

[— ДЯДЯ ЛЭЛЭ! — я закричал, тряся его, но в ответ был лишь шум дождя, будто само небо рыдало вместе со мной.]

[Я никогда не забуду дядю Юй Лэ, который научил меня понимать людей. Он показал, что можно знать лицо человека, но не знать его сердца, научил не судить по внешности и объяснил, что такое истинный рост.]

Сочинение катастрофически превысило лимит слов — в конце не осталось даже клеточек, и Юй Жаню пришлось уменьшить почерк, перевернуть лист и дописывать на обороте. Но это, как он считал, ничуть не испортило захватывающий сюжет с крутыми поворотами.

Закончив чтение, Чу Мянэ долго не мог прийти в себя.

Цуй Хэ, прочитав через его плечо, лишь усмехнулась:

— Эти 23 балла — явный перебор.

Чу Мянэ молча сверкнул на неё глазами.

Ей пришлось с кислой миной замолчать, а затем, скрипя сердцем, добавить:

— Ай-я, какое трогательное произведение! Если бы ты не сидел прямо передо мной, я бы подумала, что тебя уже нет в живых!

Юй Жань хотел было поскромничать, но, заметив, что Чу Мянью всё ещё не произнёс ни слова, перевёл на него горящий взгляд:

— Ну как? Я же не врал? Видишь, ты даже говорить от волнения не можешь!

Чу Мянью отвел взгляд и нерешительно пробормотал:

— Ну... это определённо было... познавательно.

Юй Жань расплылся в улыбке и чистосердечно признался:

— Вообще-то, я всё выдумал.

Чу Мянью потерял дар речи, а Цуй Хэ ахнула:

— Боже правый, мы бы никогда не догадались, если бы ты не сказал!

Видя, что они оценили его литературный талант, Юй Жань мгновенно воспрял духом. Он уже не переживал из-за обманутого ожидания и снова стал своим шумным, гиперактивным "я". Позвав Фан Чжао сходить в лавку за снеками, он щедро угостил обоих.

Едва он вышел, Цуй Хэ не выдержала и выругалась:

— Блядь...

— Что? - спросил Чу Мянью, даже не поднимая на нее глаз.

— Я заметила, что в старшей школе ты стал... ну... — она подбирала слова, перебирая варианты вроде "добрее" и "внимательнее", но поняла, что эти качества всегда были в Чу Мянью, просто скрытые.

— Стал больше похож на себя настоящего. - в итоге улыбнулась она.

Чу Мянью скептически поднял бровь:

— Тоже заразилась его стилем после чтения этого "шедевра"?

— Раз ты тоже считаешь его сочинение дерьмом, почему не дал мне посмеяться? — парировала она.

— Не над чем смеяться, — спокойно ответил он.

Будь то искренние слёзы при написании или гордость за свой "уровень", Юй Жань всегда ждал похвалы учителя и одноклассников с серьёзнейшим видом. Смеяться над ним только из-за содержания — Чу Мянью было невыносимо.

Особенно когда Юй Жань расстроен — чем громче смех окружающих, тем сильнее его тошнило.

Но если бы сочинение показали только ему, Чу Мянью досыта поиздевался бы — словно в подсознании у него было право смеяться над ним. Он не позволял другим смотреть на Юй Жана свысока, потому что это ощущалось как пренебрежение к нему самому.

Чу Мянью поднял глаза, мысленно отмечая самых активных "читателей" .

— Запишу их имена в блокнот, когда вернусь.

<http://bllate.org/book/15486/1373221>